

Когда я звонил Чэн Годуну, то меньше всего хотел близко знакомиться с доблестной полицией. Но, как назло, именно этим всё и кончилось — в отделение я покатил с ветерком, на заднем сиденье патрульной машины.

На месте меня определили в крошечный кабинет в самом тупике коридора. Внутри сиротливо жались друг к другу два письменных стола, заваленных какими-то бланками, но хозяев на месте не было.

— Посиди пока здесь. Только руками ничего не трогай. Сейчас к тебе подойдут.

Доставивший меня немолодой конвоир — типичный дядька-милиционер старой закалки — хоть и не кривился злобно, но поглядывал на меня с легким пренебрежением. Словно на пустое место.

Впрочем, забивать себе этим голову я не стал. Для себя я уже всё решил: если начнут прессовать или как-то ущемлять мои права, я сразу наберу Чэн Годуна. Этот тип, судя по всему, птица высокого полета, так что пара звонков сверху быстро всё утрясет.

От нечего делать я решил связаться в мыслях с Чжао Цзиньганом и Хуан Цзышаном, чтобы поподробнее расспросить их о недавней заварухе.

"Послушайте, а как так вышло, что я вдруг сам понял, как нужно действовать?"

"Всё просто, — отозвался Хуан Цзышан. — Шаманы-практики делятся на три разряда. Первый, самый редкий — это те, кто способен постигать суть вещей интуитивно, через прямое откровение свыше. Именно это с тобой, наш шаман-практик, только что и произошло. Второй разряд — те, кого наставляют учителя. Примерно так ты изучал даосские практики под руководством главы Чжоу. Ну а третий, самый обычный разряд — те, кто никакими особыми талантами не блещет и во всем полагается лишь на подсказки своих духов-хранителей. Таких большинство"

Похоже, у Хуан Цзышана сегодня было на удивление благодушное настроение. Он даже снизошел до дружеской беседы, хотя обычно ходил с такой кислой миной, что к нему и подходить-то было боязно.

"Слушай, а что теперь будет с тем Бессмертным Желтым и его детенышем? Малыш ведь так и остался висеть в клетке. С ним всё в порядке?"

"Детеныша забрали стражники из управы, — ответил Хуан Цзышан. — Хуан Дачжуан пошел следом за ними. Наш шаман-практик ведь знаком с каким-то большим здешним чиновником? Может, попросишь его, чтобы велел отпустить бедолагу?"

Чиновник? Какой еще, к черту, чиновник?

Я не сразу сообразил, что он имеет в виду Чэн Годуна. Да уж, помощничек из него тот еще. Сами посмотрите: меня заперли в этой конуре, и никому до меня дела нет.

"Какой еще чиновник! — грозно вмешался в разговор Чжао Цзиньган. Наш верный дух-богатырь был несгибаемым пролетарским бойцом и питал к своей Родине самую искреннюю преданность. — Слуги народа они, а не чиновники! Их долг — трудовому люду служить!"

От такого пассажа я даже опешил, не зная, что и ответить. Возразить, что Чэн Годун палец о палец не ударил, чтобы вытащить меня, а маленькому желтому зверьку в полицейских застенках точно несдобровать? Или попытаться деликатно объяснить ветерану, что нынешние партийцы сильно отличаются от пламенных борцов его эпохи, и бескорыстным служением народу среди них сейчас мало кто балуется?

Минуло около получаса. За это время Хуан Цзышан и Чжао Цзиньган успели в пух и прах разругаться в моей голове и уже собирались перейти к рукопашной, как вдруг дверь тесной канцелярии со скрипом отворилась.

Вошла женщина лет сорока пяти в форме. Худенькая, невысокого роста, в руке она держала обыкновенный пластиковый пакет, из которого вызывающе торчали зеленые перья лука. Если бы не казенный мундир, я бы принял её за самую обычную тетушку, возвращающуюся с рынка.

— Тетенька полицейский... — я тут же вскочил с места. — Ко мне ведь нет никаких вопросов? Я уже могу идти?

Она окинула меня оценивающим взглядом.

— Раньше я тебя здесь не видела. Приезжий, что ли? Ишь, какой симпатичный малый.

Я глуповато улыбнулся и поскреб затылок:

— Да, я студент, первокурсник. Сам из провинции Цзи.

— Студент, значит? Ну тогда всё понятно. Садись, садись, не стой в дверях. Сейчас быстренько набросаем протокол опроса, да и дело с концом.

Похоже, я ей приглянулся. Она не только усадила меня напротив своего стола, но и выгребла из ящика горсть жареного арахиса, дружелюбно пододвинув его мне.

Прием, надо сказать, царский. В подобных заведениях я отродясь не бывал, но старший кузен как-то просвещал меня на этот счет: подозреваемым в преступлении орешки точно не

предлагают.

— Так, давай-ка заполним бланки... — Тетушка-офицер долго копалась в ящиках стола, прежде чем явила на свет чистый лист протокола. Судя по всему, бумажной работой её баловали нечасто.

— Имя?

— Чжоу Дачуань.

— Возраст?

— Девятнадцать.

— Род занятий... А, это мы упустим, ты ведь сказал, что учишься. В каком вузе?

— Ляонинская академия изящных искусств. Отделение масляной живописи, первый курс, группа один. Проживаю в общежитии, комната двести тридцать пять. Студенческий билет номер две тысячи ноль два ноль шесть ноль один ноль шесть.

— Отлично. Теперь специальность.

— Специальность? — я слегка завис. — В смысле? Ну, живопись...

Тетушка-полицейский строго посмотрела на меня поверх очков:

— Да я не про академию твою. В нашей сфере кто ты? Геомант, экзорцист, даос, буддийский мирянин? Выбирай.

Вот это да! Оказывается, этот затрапезный кабинетик — вовсе не то, чем кажется.

— Шаман-практик. Из тех, кто практикует шаманизм.

Женщина снова подняла на меня глаза. В этот миг мне почудилось, будто сквозь ее будничные взгляд проступило нечто иное — цепкое, пронизывающее до самых костей, словно меня просветили рентгеном от макушки до пят.

— Кто Глава твоего святилища?

Я удивленно моргнул. А тетушка-то, оказывается, глубоко в теме!

— Черная матушка.

Она понимающе прищелкнула языком:

— Надо же! Серьезный алтарь, почтенный. Черная матушка абы к кому под крыло не идет.

— Еще бы, — с гордостью подтвердил я. — Я ее законный духовный внук, всё чин по чину.

— Ну ладно, — она придвинула лист поближе. — А теперь выкладывай всё без утайки. Что там стряслось? Да, и мне доложили, что с вами привезли какого-то мелкого зверька?

Я, не мешкая, вывалил всё как на духу. Начал с загадочной смерти в нашем баре, подробно расписал, как в одиночку полез в логово безумной мамыши, и как мы с ней бились не на жизнь, а на смерть добрых триста раундов.

Лично я считал, что ни капли не приврал. Наводняющий дракон — это вам тоже дракон, пускай и недозрелый. А после визита в ту Богом забытую глухомань у меня до сих пор ломило каждую косточку. Так что триста раундов — это еще скромно сказано.

— Ладно, парень. Дальше мы сами разберемся, не твоя это забота, — женщина размашисто расписалась на бланке и отложила ручку. Но перед тем как выставить меня за дверь, строго добавила: — И запомни: к тому месту, где скопилась злоба наводняющего дракона, больше ни на шаг не приближайся. Туда мы отправим подготовленных специалистов. А вот с призраком из бара разбирайся сам, раз взялся за дело. Доведи это до конца. И на будущее: если опять влипнешь в чертовщину, сначала звони мне.

Я согласно закивал, набожно обещая в любой непонятной ситуации первым делом набирать ее номер. Но стоило мне подняться, как я вспомнил о главном.

— Простите... А убийцу Су Юэюэ вы уже выследили?

Спросив это, я почувствовал себя полным кретином. Зачем я вообще лез из кожи вон и пытался вести собственное расследование, когда тут целое ведомство работает?

Собеседница иронично хмыкнула:

— А тебе до всего есть дело, я погляжу. Не переживай, наша полиция опирается на строгие научные методы. Кое-какие зацепки уже есть, так что со дня на день раскроем дело.

Я едва удержался, чтобы не закатить глаза. Научные методы, надо же! Какая поразительная гибкость мышления: секунду назад мы с ней вполне серьезно обсуждали проклятия и злых духов, а теперь она щеголяет верой в торжество науки.

Кое-как распрощавшись, я вышел в коридор, но тут меня осенило. Черт, совсем из головы вылетело! Я торопливо приоткрыл дверь обратно.

— Извините, а как же зверёк? Его-то мне отдадут?

— Забирай, — великодушно махнула рукой она. — Сейчас наберу дежурному. Иди к лестничному пролету, там большой общий зал, подожди в нем.

Получив добро, я поспешил на указанное место. Минут через десять ко мне подошла симпатичная девушка-офицер. В руках она бережно несла клетку с притихшим детенышем Бессмертного Желтого.

Рядом с ней, преданно заглядывая в лицо, семенил невидимый для простых смертных Хуан Дачжуан. На его усатой мордочке читалась такая искренняя признательность, будто эта милая девушка лично спасла весь его род.

Рассыпавшись в комплиментах, я принял клетку, а заодно ненавязчиво похлопал симпатичную сотрудницу по плечу, незаметно стряхивая с ее мундира крохотное пятнышко заемной серой хмари, которую она успела подцепить.

Хуан Дачжуан, заметив это, преисполнился ко мне еще большего уважения. А он забавный малый, этот Бессмертный Желтый — простой и честный, без двойного дна.

У ворот участка я не выдержал и поймал такси — ноги после всех приключений буквально подкашивались. Ладно, ради такого дела можно пару дней и на пустой лапше посидеть, кошелек не убудет.

Дома меня встретила на удивление мирная картина. Хуэй Сяобао как ни в чем не бывало развалился на диване и увлеченно пялился в телевизор. На экране крутили гонконгскую экранизацию «Гордого странника», как раз шел эпизод, где Линху Чун принимает бразды правления школой Хэншань.

— Сяобао! Ты уже на ногах? — я радостно подлетел к другу.

Тот лишь небрежно отмахнулся:

— А то! Подумаешь, царапина. Если б предки силком дома не заперли отлежаться, я бы еще вчера прискакал.

Я про себя хмыкнул, прекрасно понимая, что мелкий нагло заливает. Я-то своими глазами видел, как знатно этому бедолаге прилетело под ребра — его призрачный силуэт тогда чуть на атомы не распался от слабости. Но, как верный товарищ, сдавать его я не стал. Пусть хорохорится.

Мы устроились поудобнее и залипли в экран. За Су Юэюэ присматривала Лю Чжэньюань, так что за ее сохранность я не переживал: эта суровая дама глупостей не допустит и лишней крови пролиться не позволит.

Теперь оставалось лишь запастись терпением и ждать, пока полиция сделает свою работу и засадит убийцу за решетку.

Если вдуматься, негодяю тоже в каком-то смысле не повезло. Жил себе обычный трусливый извращенец — из тех, у кого кишка тонка на реальное преступление. Но угораздило же его наткнуться на недотепу из рода Бессмертных Желтых, подцепить заразу от проклятия наводняющего дракона и поддаться безумию, которое толкнуло его за край.

С другой стороны, во всем этом прослеживался высший замысел. Су Юэюэ приняла лютую смерть, но тем самым сполна искупила вину перед безвременно ушедшей Шэнь Синьжу. Теперь душа Синьжу, испив чашу мести, наверняка освободится от горькой злобы и сможет со спокойным сердцем отправиться на перерождение.

Впрочем, всё это было лишь моими досужими размышлениями на досуге.

Жизнь потекла своим чередом. Следующие дни пролетели в привычной рутине: утренние молитвы, лекции в академии, обед, короткий полуденный сон, снова занятия, возвращение домой, бесконечные эскизы у мольберта и вечернее бдение. Время летело незаметно.

И вот однажды утром, едва я успел продрать глаза, на тумбочке зазвонил мобильник. На экране светился незнакомый номер.

Я немного посомневался, но всё же нажал на кнопку приема. Из динамика донесся знакомый бодрый голос давешней тетушки-полицейского:

— Сяо Чжоу? Доброе утро, это я. Радуйся, взяли мы мерзавца, что погубил Су Юэюэ! И знаешь, что выяснилось? Наш клиент оказался матерым гастролером. Три года колобродил по соседним провинциям, на его счету целая серия изнасилований. Наши оперативники за ним по всей стране охотились, а попался он здесь, у нас.

Я невольно присвистнул. Да уж, подонок редкий.

Хотя удивляться тут нечему. Злоба наводняющего дракона лишь раздувает искры, что уже тлеют в человеческой душе. Обычный обыватель под ее влиянием разве что раскричится или вяжется в глупую драку, но приличный человек не пойдет насиловать и убивать. На такое способен лишь тот, кто давно взрастил в себе зверя.

Что ж, по крайней мере, в этой истории можно было ставить точку.

Дождавшись сумерек, я прихватил с собой Хуэй Сяобао, Чжао Цзиньгана и увесистый пакет с ритуальной бумагой для усопших. Мы не спеша побрели к той самой темной подворотне за баром. Там, в полумраке переулка, перед нашими глазами предстала живописная картина: Лю Чжэньюань увлеченно воспитывала несчастную Су Юэюэ.

— Послушай, — я со вздохом покачал головой, глядя на это безобразие. — Я просил тебя присмотреть за ней, а не устраивать тут дедовщину.

— Так я и присматриваю! — ничуть не смутилась Лю Чжэньюань. — Глянь сам, на улице сразу дышать легче стало, прохожих прибавилось. Люди ведь чувствуют, что проклятие ушло, больше никто ноги здесь не ломает. Так что моя метода работает безупречно!

Спорить с ней у меня не было ни сил, ни желания. Я повернулся к забившейся в угол Су Юэюэ:

— Твоего убийцу поймали. Возмездие свершилось, так что держать тебя здесь больше ничего не должно. Пора отправляться в путь.

Призрак уставился на меня полными ярости глазами:

— Никуда я не пойду! Я должна петь! Я заслужила сцену! Я столько сил на это положила, до славы оставался всего один шаг! Я не уйду!

Я мысленно вздохнул. По-хорошему она явно не понимает.

— Сил она положила, подумать только! И чем же ты заплатила за этот свой шаг? Предательством единственной подруги? Скажу тебе честно: если бы ты не продала Шэнь Синьжу, то сейчас не корчилась бы здесь бесплотной тенью, а преспокойно жила бы своей жизнью. Всё, что с тобой случилось — это твоя заслуга. Чистейшей воды карма.

Не дожидаясь ответа, я уселся прямо на землю и затянул «Канон спасения людей». Лю Чжэньюань, сообразив, что к чему, ловко скрутила упрямыцу и прижала ее к асфальту, лишая малейшей возможности вырваться или заткнуть уши.

Надо сказать, мой «Канон спасения людей» с каждым разом звучал всё сильнее. Теперь он не просто указывал дорогу душам, но и мягко выжигал скопившуюся в них черную обиду.

К исходу третьего круга Су Юэюэ перестала биться. Ее затуманившийся силуэт обмяк, а с губ срывался лишь едва слышный шепот:

— Карма... Всё карма...

Мне очень хотелось спросить ее напоследок: неужели призрачный блеск софитов

действительно стоил того, чтобы растоптать собственную человечность?

Но я промолчал. К чему теперь эти праздные расспросы? Мертвому не поможешь запоздалой моралью.

Я кивнул Чжао Цзиньгану. Тот молча шагнул вперед, бережно подхватил утихомирившуюся душу и увлек ее за собой, растворяясь в серой предрассветной дымке.

Глядя им вслед, я ощутил странную пустоту и ясность в мыслях.

Мир устроен поразительно гармонично. Каждое действие, каждый помысел рождает круги на воде судьбы, которые рано или поздно возвращаются к автору.

Су Юэюэ когда-то прошла мимо чужого горя, обрекла подругу на муки ради собственной выгоды — и в конце концов сама испила ту же чашу до дна. Беглый преступник годами уходил от закона, но стоило безумной от горя матери воззвать к Бессмертным ради мести за дочь, как запущенный маховик рока вышвырнул мерзавца прямо в руки правосудия.

Всё связано невидимыми, но прочными нитями. Колесо Небесного Дао вращается медленно, но перемалывает напрочь. От кармы не уйти.

<http://bllate.org/book/20253/2185471>